Стенограммы Политбюро большевистской партии – новый источник по истории нэповской России

Так называемая архивная революция, начавшаяся в годы перестройки, еще далеко не закончилась. Несмотря на открытие огромного массива документов советской эпохи, важные источники пока еще находятся в процессе рассекречивания. Это касается материалов военной и послевоенной истории, истории политических репрессий и внешней политики. И тем не менее с каждым годом появляются все новые публикации документов, которые проливают свет на те или иные «белые пятна» исторического пути России в XX веке.

В 2007 г. международным коллективом историков завершена работа над трехтомным изданием стенограмм заседаний Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б), которое вышло в свет в издательстве РОССПЕН.¹ В нем публикуются все сохранившиеся стенограммы высшего органа власти Советской России, охватывающие период 1923 – 1938 гг. Эти полтора десятилетия отечественной истории вместили в себя новую экономическую политику, «большой скачок» форсированной индустриализации и насильственной коллективизации, массовый террор и захват Сталиным абсолютной власти. Излишне говорить о том, насколько велико значение этого источника для научных исследований. До того ученым приходилось ограничиваться, в первую очередь, официальными изданиями документов РКП(б)-ВКП(б), которые носили «парадный» характер, знакомили с готовым результатом. Теперь перед историками открывается «кухня» принятия решений, позволяющая сделать новые выводы о характере политического режима в СССР, динамике его развития на протяжении межвоенного периода.

Политбюро было создано как постоянно действующий орган оперативного руководства текущими партийными и государственными делами в разгар гражданской войны в России, его первое заседание состоялось 16 апреля 1919 г. Состав Политбюро постоянно расширялся, в 1919 г. в него вошло пять членов и три кандидата, на начало 1937 г. в нем состояло десять членов и пять кандидатов. Полномочия Политбюро, которое избиралось пленумом ЦК и венчало пирамиду власти в стране, не были определены ни одним правовым актом. Впрочем, до 1936 г. в конституции СССР не упоминалась и сама правящая партия. В разные периоды своего существования Политбюро либо реально обсуждало и принимало, либо в условиях диктатуры Сталина формально одобряло большинство важнейших решений, определявших судьбы страны. Они фиксировались в протоколах, с ко-

¹ Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б).ВЛП(б) 1923.1938гг. в 3 томах, РОССПЭН, М.2007.

торами знакомился только узкий круг партийно-государственной номенклатуры.² Самые секретные постановления Политбюро заносились в «особую папку» (как правило, это были вопросы внешней политики, политических репрессий, валютных расходов и обороны) и рассылались только лицам, ответственным за их исполнение.

Регламент работы Политбюро, утвержденный 14 июня 1923 г., вводил важное новшество в механизм его работы. Отныне в обязательном порядке должны были стенографироваться основные доклады по вопросам, которые стояли на повестке дня заседаний Политбюро, содоклады комиссий и заключительные слова докладчиков. Вряд ли это решение было случайным или исключительно организационно-техническим. В 1923 г. ядро партийного руководства осталось без Ленина, непререкаемый авторитет которого гасил немало споров, служил истиной в последней инстанции. Образовавшийся вакуум члены Политбюро пытались компенсировать обращением к методам «коллективного руководства».

С другой стороны, мирная передышка и переход к нэпу стимулировали бюрократические тенденции, вели к росту партийно-государственного аппарата, вырабатывавшего и потреблявшего многочисленные стенограммы и решения. Отражением «бюрократической нормализации» был и тот факт, что летом 1923 г. лидеры РКП(б) впервые в массовом порядке отправились в отпуск на Кавказ. Стенографирование заседаний Политбюро, продолжавшихся без каких-либо пауз, должно было познакомить отсутствующих членов этого органа с ходом принятия тех или иных политических решений.

Жизнь вскоре показала, что выполнить принятое решение невозможно. С одной стороны, количество рассматривавшихся вопросов было столь большим, что для их стенографирования пришлось бы держать целую армию специалистов. С другой стороны, у руководителей партии были веские причины для того, чтобы сделать ставку на секретность принимаемых решений. Страх перед утечкой информации был оправдан. Бежавший на Запад в 1928 г. технический секретарь Политбюро Борис Бажанов опубликовал в вольном изложении некоторые из самых острых дискуссий в высшем органе власти. Они оказались настолько шокирующими, что научный мир на протяжении десятилетий не решался доверять этому источнику. Не меньшую роль в отказе от сплошного стенографирования сыграло и желание руководства ВКП(б) скрыть факт острых противоречий в период внутривнутрипартийных дискуссий.

В результате за 1920-е–1930-е годы был застенографирован лишь 31 вопрос, обсуждавшийся на заседаниях Политбюро. Стенограммы, как правило, велись по тем пунктам повестки дня, о которых лидеры партии собирались проинформировать сравнительно широкие круги руководящих кадров. После внесения авторской правки они издавались типографским способом и рассылались на места.

² См. Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919–1952 / Ред. Г.М. Адибеков и др. Т. 1–3. М. 2000–2001.

Историкам хорошо известно понятие «красные книжки» - так на жаргоне партийной номенклатуры назывались крупноформатные брошюры, содержавшие стенограммы заседаний высших органов партии и обладавшие особым грифом секретности.

По мере утверждения диктатуры Сталина заседания Политбюро стенографировались все реже. Большинство решений принимались опросом или на заседаниях разного рода узких групп высших чиновников, которые проводились в кабинете вождя. Сохранилось лишь пять стенограмм за период 30-х гг., из них наибольший интерес представляет разбор деятельности «антипартийных групп» Сырцова-Ломинадзе (4 ноября 1930 г.) и Смирнова-Эйсмонта (27 ноября 1932 г.). Здесь уже не было делового обсуждения и товарищеского тона, участники дискуссии старались перещеголять друг друга в дискредитации оппозиционеров, приписывая им мыслимые и немыслимые преступления. Стилистика и оформление этих заседаний весьма созвучны печально известным показательным судебным процессам 1936-1938 гг. С конца 1930-х годов и до смерти Сталина в марте 1953 г. стенографирование заседаний Политбюро вообще не практиковалось.

Оригиналы стенограмм были переданы в Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) из Архива Президента РФ в конце 90-х гг. Можно предполагать, что стенографировался и ряд других заседаний Политбюро, которые позже были по каким-то причинам уничтожены. Так, в РГАСПИ обнаружены фрагменты двух стенограмм (от 30 января и 9 февраля 1929 г.), посвященных обсуждению платформы «правых» - Бухарина, Рыкова, Томского.³ В собрании сочинений И.В. Сталина была в конце концов опубликована лишь «краткая запись» - вольный пересказ его выступлений на этих заседаниях.

Наиболее интересны стенограммы тех заседаний Политбюро, в ходе которых разворачивался открытый конфликт большинства и оппозиции. По своему тону эти документы напоминают записи парламентских дебатов – настолько полемически острыми были аргументы спорящих сторон. Да и сами стенограммы, публиковавшиеся в «красных книжках», становились своеобразным орудием внутрипартийной борьбы. Оппозиционеры, требуя ведения стенограмм, стремились, с одной стороны, избежать подтасовок и огульных обвинений, а с другой – донести свое мнение до партийного актива. 14 июня 1926 г. сам факт стенографирования стал поводом для перепалки на заседании Политбюро. Реплику Дзержинского «Я считаю преступлением, что у нас имеются стенограммы, что у нас говорят для документов» парировал Троцкий: «Что у нас вообще говорят. Надо дать директиву ГПУ прекратить вообще разговоры, тогда всё упростится».

Упреки обеих сторон в использовании стенограмм как орудия внутрипартийной борьбы были справедливы. Эта борьба продолжалась и после самого заседания Политбюро, когда его участники дополняли и корректировали тексты своих

³ Эти фрагменты опубликованы в книге: Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг./ Ред. В.П. Данилов и др. Т. 4. М., 2000. С. 577–602, 620–634.

речей, прилагали к стенограмме различные справки и заявления. Так, редакторы публикации материалов Политбюро от 3 июня 1926 г. отмечали, что Троцкий *post factum* увеличил объем собственных выступлений почти в два раза, фактически написав их заново.

С другой стороны, уже подготовленный к печати стенографический отчет заседания Политбюро 8 сентября 1927 г. (сохранилась его верстка) не был разослан местным партийным организациям, поскольку Сталин и его сторонники явно хотели сохранить в тайне накал страстей и взаимных обвинений во время дискуссий. Ознакомление даже с правленными текстами могло породить у партийных функционеров осознание всей трагедии раскола в руководстве ВКП(б), сомнения в допустимости методов, применявшихся для дискредитации взглядов меньшинства.

Важной функцией стенографирования заседаний Политбюро и рассылки стенографических отчетов было инициирование или стимулирование определенных политических кампаний. Обсуждения на Политбюро задавали некий образец, по которому местные партийные организации, получавшие стенографические отчеты, должны были строить собственную деятельность. Примером такого типа документов может служить последняя из публикуемых стенограмм (заседание Политбюро 11 и 12 октября 1938 г.), посвященная постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)».

Первоначальные записи докладов и прений, производившиеся «с голоса» в зале заседаний Политбюро, отражали не только содержание выступлений, но и отдельные детали, передававшие атмосферу собрания: шум и оживление, эмоциональные обмены репликами и т.д. Иногда мимо внимания стенографиста не проходил даже такой нюанс, как «ироническое покашливание» С.В. Косиора на заседании 3 января 1927 г. Получив записи своих выступлений, авторы вносили в сказанное не только стилистические, но и смысловые изменения, отдавая себе отчет в том, с каким вниманием каждое их слово будет восприниматься партийным активом в провинции.

Проследить логику этих исправлений – увлекательная задача будущих исследователей. Поэтому издатели, взяв за основу правленные тексты, тщательно сверяли их с первоначальными вариантами стенограмм, отмечая любые разночтения, вставки, вычеркивания. Достаточно привести один пример – в ходе заседания Политбюро 3 июня 1926 г. глава советских профсоюзов М.П.Томский упомянул о немалых суммах, которые выплачивались лидерам британских тред-юнионов накануне всеобщей стачки в Великобритании. Участники заседания сочли, что о подобном «взятничестве» не стоит сообщать даже узкому кругу партийных чиновников, и данный эпизод был вычеркнут из «красной книжки».

В ряде случаев стенограммы заседаний Политбюро содержат уникальную информацию и неизвестные факты по сюжетам, имеющим лишь опосредованное отношение к российской истории. Например, в выступлении Зиновьева на засе-

дании 18 марта 1926 г. говорилось об обстоятельствах создания блока Ленина и Троцкого на III конгрессе Коминтерна летом 1921 г. В других источниках этот эпизод отсутствует, поскольку, как сообщил Зиновьев, «спор тогда остался в тесном кругу и не был вынесен за пределы этого круга. Ни одного постановления Политбюро не было на этот счет». Дополняя Зиновьева, Троцкий рассказывал о настроениях Ленина в тот момент, который шутил, что придется пойти на создание «фракции» в Политбюро, и при этом вполне серьезно добавлял, что если не будет принята их точка зрения, Коминтерн раскроит себе череп.

Публикуемые документы позволяют исследователю не только реконструировать процесс принятия политических решений в Советской России, но и представить себе стиль неформального общения в среде большевистской элиты. Это и панибратство (обращение на «ты», использование кличек типа «Бухарчик» и т.п.), грубые шутки (Евдокимов 18 марта 1926 г. заявил: «если начнем в остроумии испражняться, так я тоже могу»), коллективная, без границ и элементарных приличий, травля проигравших (««Коллективное руководство» - это и есть, когда все мешают одному или все на одного нападают», - мрачно заметил Троцкий на заседании 3 июня 1926 г.).

Стенограммы дают дополнительный материал для характеристики советских лидеров, их индивидуальных качеств и скрытых настроений, вырывавшихся наружу неосторожным словом, эмоциональной реакцией. Желчный юмор Троцкого, цитатничество Зиновьева, косноязычие Сталина, нудные повторы Молотова, угодничество и лесть Кагановича – эти и многие другие факты могут стать незаменимой основой как для традиционных, так и новых направлений в исследовании политической истории СССР 1920–30-х гг.

В первые годы нэпа, сталкиваясь с серьезными проблемами в экономической и социальной сферах, руководители большевистской партии были вынуждены превращать заседания Политбюро в своеобразные экспертные совещания, привлекая к участию в них специалистов и практиков. Это были директора крупнейших заводов, руководители аппарата внешней торговли, профсоюзные деятели, эксперты Госплана и Госбанка. Так, 28 июня 1926 г. сложилась уникальная ситуация: на заседание Политбюро был приглашен беспартийный – председатель правления Союза сельскохозяйственной кооперации известный экономист П.А.Садырин.

Только на первый взгляд хозяйственные вопросы, которые преобладают в публикуемых стенограммах Политбюро, носят оперативный, преходящий характер. За судьбой хлебозаготовок и кооперации, развития металлургии и машиностроения проступал вопрос об обещанном большевиками превращении страны из аграрной в индустриальную, в конечном счете – о модернизации и преодолении исторического отставания России.

В первые годы нэпа правящая партия довольно успешно проводила тактику «дозированных уступок капитализму», как ее сформулировал Троцкий. В ходе дискуссий члены Политбюро пытались увязать воедино текущие проблемы и

стратегическую перспективу. Метод проб и ошибок, которым двигалась страна в налаживании нового хозяйственного механизма, неизбежно порождал череду «заминок» и кризисов. До тех пор, пока «коллективное руководство» не развалилось под напором амбиций отдельных вождей, считавших себя единоличными наследниками Ленина, эти кризисы удавалось успешно преодолевать. Первые из опубликованных стенограмм Политбюро отражают поиск выхода из хозяйственных затруднений осени 1923 г., наглядным выражением которых стали «ножницы цен». В следующем году были сформулированы основы «деревенского нэпа», который подразумевал серьезные уступки крестьянству в надежде на повышение товарности сельского хозяйства.

Хороший урожай 1925 г. привел к росту денежной эмиссии и выдаче импортных лицензий, резко выросло субсидирование капитального строительства. Усилились позиции тех хозяйственников, которые хотели использовать растущую конъюнктуру для «большого скачка». Сторонником максимальных цифр капитальных вложений в новое строительство был председатель ВСНХ Ф.Э.Дзержинский, его главным оппонентом оставался нарком финансов Г.Я.Сокольников. В ходе заседаний Политбюро последний подчеркивал, что «условием успешного проведения политики хозяйственного подъема является внутреннее равновесие всей хозяйственной машины... А лучшим измерителем этого внутреннего равновесия является именно состояние денежного обращения».

Однако доводы Сокольникова не убедили тех, кто настаивал на скорейшем преодолении отсталости России любой ценой, прежде всего путем неограниченного кредитования строительства новых заводов. Мозговым центром форсированной индустриализации стал Госплан, подмявший под себя наркомат финансов. Его эксперты утверждали, что в контролируемой инфляции нет ничего плохого. Но хлебозаготовительная кампания осени 1925 г. не принесла ожидаемых результатов – крестьяне придерживали хлеб, ожидая подъема закупочных цен. Повышение номинальной зарплаты рабочих привело к росту цен на потребительские товары, «червонец зашатался». За полгода денежная масса в стране выросла на 52%, продолжал усиливаться товарный голод на потребительском рынке.

Экономические трудности привели к очередному обострению внутривнутрипартийной борьбы. Вызов большинству в Политбюро ЦК РКП(б) бросили Г.Е.Зиновьев и Л.Б.Каменев. Предложения оппозиционеров содержали в себе немало здравых мыслей, но, будучи выстроенными в систему, приобретали характер фракционной платформы. С одной стороны, это являлось неизбежным условием отстаивания своей точки зрения (и борьбы за лидирующие позиции в партии), в другой – логика внутривнутрипартийного конфликта вела к тому, что рациональные зерна альтернативной программы даже не обсуждались, партийная пропаганда перемалывала их в ядовитую смесь, которая якобы грозила гибелью советской власти.

Выиграв битву за лидерство на XIV съезде ВКП(б), фракция Сталина-Бухарина в Политбюро обратила внимание на хозяйственный фронт. 11 января 1926 г. на первом стенографированном заседании Политбюро после съезда стоял вопрос «о состоянии и перспективах наших валютных ресурсов и возможностей». Делавший главный доклад Сокольников продолжал отстаивать жесткий монетарный курс, но участие в оппозиции Зиновьева и Каменева подорвало его влияние. Ряд участников дискуссии поддержал этот курс, выступив против свертывания рыночных отношений. Председатель Госбанка СССР Н.Г.Туманов заявил без обиняков: «Мне сдается, что наше валютное положение на внутреннем рынке ухудшилось как раз с того момента, когда мы стали производить зажим частного капитала в торговле».

Против такого умеренного подхода выступили оппоненты слева, их лидерами оказались Сталин и Троцкий. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в Политбюро тех лет блоки и коалиции складывались не только по политическому, но и по деловому признаку, были очень подвижны, постоянно менялись. Временный союз двух вождей опирался на отрицание «хвостизма» и лозунга «реже шаг», оба они в своих выступлениях активно использовали лексику военного коммунизма. «Надо понять, что промышленность есть в полном смысле слова боевой фронт, атакуемый мировым капиталом, с сомнительным тылом – в виде крестьянского рынка», - говорил Троцкий.

На этой базе строились его контакты со Сталиным и Бухариным весной 1926 г., однако те не захотели делиться полнотой власти, завоеванной после разгрома оппозиции. Отдавая себе отчет в том, что в одиночку изменить положение в партии не удастся, Троцкий присматривался и к оппозиционерам. К апрелю стало очевидно, что Пятаков и Троцкий «делают попытку повести за собой Каменева – Зиновьева в борьбе за власть».⁴ Последним толчком к формированию «объединенной оппозиции» стала всеобщая забастовка в Великобритании, начавшаяся 4 мая 1926 г. Обсуждению ее итогов посвящена самая обширная из публикуемых стенограмм - 3 июня члены Политбюро заседали более шести часов.

Каждая из сторон внутривнутрипартийного конфликта пыталась обернуть итоги стачки в свою пользу. Объективно она была на руку оппозиционерам, давая возможность критиковать тезис о «стабилизации капитализма» и «правые ошибки» большинства ЦК ВКП(б). Находившийся на Кавказе Сталин в характерном для себя стиле предложил «послать к черту» оппозиционеров⁵, но большинство рассудило иначе. Оно подготовило свои контртезисы к платформе Зиновьева, который потребовал немедленно порвать все связи с предателями из Генсовета тредюнионов. Оценки Зиновьева, который пока еще оставался Председателем Комин-

⁴ Большевикское руководство. Переписка. 1912–1927 / Сост. А.В. Квашонкин и др. М., 1996. С.326.

⁵ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936 гг. / Сост. Л.П. Кошелева и др. М., 1995. С.61.

терна, полностью поддержал Троцкий. Блок оппозиционеров стал свершившимся фактом, однако на заседании 3 июня победила внутренняя дисциплина сталинской фракции, обладавшей в Политбюро перевесом.

После поражения по линии международной политики летом 1926 г. борьба большинства и оппозиции велась вокруг перспектив развития сельского хозяйства. В своих выступлениях на заседаниях Политбюро Троцкий и Зиновьев подняли вопрос на принципиальную высоту: поворачиваясь к зажиточным слоям деревни и допуская их к кредитам, партия идет у них на поводу, предпочитая не замечать «капиталистическое развитие деревни». «Завоевать доверие низов и верхов деревни вместе – задача неразрешимая. Надо выбирать», – подчеркивал Троцкий, считая, что партия сделала ошибочную ставку на кулака. Аргументы оппозиционеров приносили практические соображения в жертву идеологической чистоте. Не случайно сам Троцкий признал, что предлагаемые им меры давления на кулака перекликаются с эпохой гражданской войны.

Его оппоненты считали, что частное хозяйство еще не исчерпало свой потенциал. С крестьянской прямоотой говорил об этом М.И. Калинин, призывая не грабить тех, кто работает лучше других: «Должен сказать, что при царизме вся промышленность, все производство шло на угнетение, на порабощение и на эксплуатацию крестьян. Наша экономическая политика на практике, если вы хотите знать, с этим не расходится. Линия усугублена». Таких признаний мы не прочитаем в официальных изданиях большевистской партии! На основе публикуемых стенограмм с известной долей осторожности можно говорить о наличии в Политбюро середины 1920-х гг. «крестьянской фракции», которая позже усилиями генсека и его соратников будет превращена в «правый уклон».

Но до поры до времени Сталин старался держаться в тени. Напротив, Троцкий искал все новые точки конфликта. При обсуждении доклада московской организации ВКП(б) он назвал существующий партийный режим «просвещенной бюрократией», которая управляет страной для рабочих, но без рабочих. В этих условиях бороться приходится на грани фракционности, ибо за выборными органами остается лишь функция пассивного одобрения: «за стеной этого ЦК есть другой ЦК, который приносит сюда готовые решения».

Тему партийного и государственного бюрократизма развил в своем выступлении Зиновьев, отметивший, что роль аппаратной прослойки в жизни страны несравненно больше ее количественного состава. Если на заседании Политбюро 3 июня 1926 г. «объединенная оппозиция» сформулировала свою линию в сфере международной политики, то 14 июня в центре ее внимания оказались внутрипартийные проблемы, а 5 июля – политика партии в деревне. Изучение комплекса указанных документов дает исследователю уникальный шанс реконструировать оформление противоборствующих позиций в партийном руководстве, а также почувствовать накал внутренней борьбы, которая начинается с содержательных аргументов, а заканчивается личными выпадами и оскорблениями.

К осени 1927 г. от солидарности членов одной и той же партии не осталось и следа. На заседании Политбюро 8 сентября Сталин играл уже первую скрипку - он нанес решающий удар по самолюбию Троцкого, заявив, что никакой тот не полководец, не творец победы в гражданской войне. Этот «трус и банкрот, нахал и наглец» появился на фронте лишь на часок, да еще и в сопровождении жены. Не стеснялись в выборе выражений и оппозиционеры. Данная стенограмма, как уже отмечалось выше, так и не была опубликована, ибо являлась наглядным свидетельством деградации «коллективного руководства», которое для партийной массы являлось ключевым моментом политического завещания Ленина.

Публикация сохранившихся стенограмм Политбюро займет центральное место в комплексе источников по истории нэповской России и раннего сталинизма. Однако было бы рано здесь ставить точку – в московских архивах находится еще немало уникальных документов, которые ждут своей публикации. Это и подготовительные материалы к заседаниям Политбюро, и стенограммы пленумов ЦК большевистской партии, и многое другое. Архивная революция продолжается.